

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ПРО ЖЕНУ-
СУПРОПТИВНИЦУ

Народное творчество (Фольклор)

Про жену-супроптивницу

Аннотация

«Была у мужика жена, да такая-то злая и спорщица, что мужу с ней иной раз чистая беда: что муж ни скажет, она ему все напротив, все назло. Раз нарочно захотел он над ней подшутить и говорит: „Жена, а жена! Ты смотри, сегодня пирогов не пеки“. – „А вот-таки и напеку!“ – „Ну, коли напечешь, так в поле мне их не носи“. – „А вот-таки напеку и принесу“. – „Коли понесешь, так хоть через мост не ходи“. – „Вот нарочно пойду“. – „Ну, коли пойдешь, так камней за пазуху не клади“. – „А вот-таки и наложу“. – „Наложешь, так смотри: не смей с моста в воду прыгать“. – „А вот-таки, назло тебе прыгну!“ И прыгнула баба с моста мужу назло и утонула бы, если б он ее не вытащил...»

Народное творчество

Про жену-супротивницу

Была у мужика жена, да такая-то злая и спорщица, что мужу с ней иной раз чистая беда: что муж ни скажет, она ему все напротив, все назло. Раз нарочно захотел он над ней подшутить и говорит: «Жена, а жена! Ты смотри, сегодня пирогов не пеки». – «А вот-таки и напеку!» – «Ну, коли напечешь, так в поле мне их не носи». – «А вот-таки напеку и принесу». – «Коли понесешь, так хоть через мост не ходи». – «Вот нарочно пойду». – «Ну, коли пойдешь, так камней за пазуху не клади». – «А вот-таки и наложу». – «Наложешь, так смотри: не смей с моста в воду прыгать». – «А вот-таки, назло тебе прыгну!» И прыгнула баба с моста мужу назло и утонула бы, если б он ее не вытащил.

Сидит раз жена под окном, глядь: по улице гуси идут. «Смотри-ка, – говорит она мужу, – какие наши гуси-то славные!» А у них и гусей вовсе не было. «Какие это наши гуси, – говорит муж, – это барские!» – «Ан, наши!» – «Нет, барские». – «Ан, наши, наши! Это ты мне нарочно, назло. Коли так – не хочу с тобой жить: умру сейчас». Упала баба со злости на пол и кричит: «Помираю!» – «Да полно, жена, перестань!» – «А чьи гуси?» – «Барские!» – «Ну, коли так, совсем помираю, умерла уж, клади меня на стол, готовь гроб!» Любопытно стало мужу: до чего женино упор-

ство дойдет. Положил он ее на стол, сколотил из досок ящик, принес его и говорит: «Ну, жена, вот и гроб готов». – «А чьи гуси?» – «Барские!» – «Клади меня в гроб!» Положил ее муж в ящик и говорит: «Ну, жена, вот ты и в гробу; сейчас крышку наложу!» – «А чьи гуси?» – «Барские». – «Заколачивай гроб!» Положил муж крышку, забил пару гвоздиков. «И гроб забил, – говорит, – хоронить везти надо». – «А чьи гуси?» – «Барские». – «Вези, коли так, на кладбище!» Поставил муж ящик на телегу и привез на глинище, к ямам, где глину копают. «Ну, жена, вот и могила готова; сейчас опустать буду». – «А чьи гуси?» – «Барские». – «Опускай!» Спустил муж ящик в яму, наклонился над ней. «Прощай, жена, – говорит, – не поминай лихом, сейчас засыпать начну». А та чуть шепчет: «Чьи гуси?» – «Барские». – «Засыпай!» Накидал муж на ящик лопат десять глины. «Дай, – думает, – прочу жену хорошенько». Оставил ее в яме и уехал домой.

Пришла ночь темная, холодная, завыли волки в соседнем лесу. Лежит вздорная баба в яме, ознобом ее и со страху, и от холода пробирает, а она все злится да шепчет: «Вот-таки не поддамся. Сказала: мои гуси – стало быть мои!»

И вправду, пожалуй, замерзла бы баба, кабы муж не вернулся и не вытащил ее из ямы.

Идут они раз лесом, увидел муж куст малины и говорит: «Чур, жена: моя малина, я ее первый увидел». «Нет, врешь, я!» Бросилась баба к малине, вскочила в куст – а за ним-то было бездонное провалище, где черти жили, – и ввалилась

в преисподнюю.

Что мужику делать? Пришел домой – дети пищат, кричат, есть просят. Он и корову дои, он и кашу вари, он и рубахи стирай да и ночь не спи – малолеток качай! Стал мужик собирать обрывки да веревки, от лаптей оборки, связал канат длинный-предлинный, пришел к яме, куда жена провалилась, спустил туда конец да потряхивает – не ухватится ли за него баба. И мудреное дело: на веревке что-то потяжелело. Вытащил веревку – глядь, а за конец маленький чертенок прицепился, вершков шести, да весь в шерсти, и пищит:

«Кидай, дяденька, опять поскорее конец: там наш старшой, Лысый Дедушка, дожидается.

Как ввалилась к нам твоя баба, так всех нас избила, изругала, а дедушку за бороду вовсе затаскала». – «Ишь ты, окаяшка! Больно мне нужно вашего старшого выручать; туда ему и дорога». Повалился чертенок мужику в ноги: «Выручай, родимый, дедушку: без него мы все пропадем».

Подумал мужик и говорит: «Ну, ладно, я это дело сейчас оборудую». Кинул в провалище конец веревки, наклонился и кричит туда: «Жена, а жена!» – «Чего тебе?» – «Я в яму, веревку спустил; ты, смотри, к ней не подходи!» – «Ан подойду». – «А подойдешь, так за конец не хватайся!» – «Вот и ухвачусь». – «А коли ухватишься, смотри: не смей Дедушку Лысого за бороду хватать да с собой наверх тащить». – «Вот-таки ухвачу и вытащу!» Стал мужик тянуть кверху веревку, чертенок ему помогает, а за конец баба уцепилась и Дедушку

Лысого за бороду тащит.

Вытащил мужик их наверх и говорит: «Пусти, жена, Лысого Дедушку». – «Ан не пущу!» – «Ну так по крайности, не бей его по лысине». – «Вот назло тебе, бить буду!» – и давай старшего черта по затылку потчевать да за бороду из стороны в сторону мочалить. Кричит, вопит Лысый Дедушка, рвется – не тут-то было. «Ну, будет с тебя, – говорит мужик, – не скоро забудешь», – да как крикнет: «Лупи его, жена, бей его, окаянного, не останавливайся!» – «А вот и брошу бить, перестану!» – «Смотри хоть бороду-то не выпускай да домой не уходи».

Отпустила баба Лысого Дедушку и пошла домой.

«Ну что же, Лысый, какая мне от тебя награда будет?» – спрашивает мужик. «А вот какая: станем мы вот с этим малышом, с Анчуткой Беспамятным, в богатые дома забираться, хозяевам покоя не давать, а ты объяви себя чертогонном и подряжайся за хорошие деньги нас из дома выгонять. Как придешь в дом, сейчас крикни: „Шилды-будылды-начеки-чекалды! Брысь!“ – мы и уйдем, а ты деньги получишь. Только смотри: из одного дома выгоняй, из другого выгоняй, а из третьего уж не моги, не то самому тебе плохо придется».

Пошел мужик домой. Только, долго ли, коротко ли, стал народ говорить, что у богатого купца-подрядчика в новом доме нечисто: шум, гам, вонь нестерпимая, в трубах точно волки воют, из печей кирпичи летят, с полок и со столов все на пол валится, а от чего – неизвестно. Собрался мужик, при-

шел к купцу и говорит: «Дорого, небось, тебе, твое степенство, новый дом стоил?» – «Эх, и не говори, земляк! Пятьдесят тысяч на него убил, а жить нельзя». – «Давай тысячу, я тебе всю эту пакость переведу». Ударили по рукам при свидетелях, вошел мужик в главную горницу да как крикнет: «Шилды-будылды-начеки-чекалды! Брысь!» Только чертей в доме и слышали: все затихло, точно ничего и не было. Отдал купец мужику тысячу рублей, и зажил мужик припеваючи.

Прошло сколько-то времени, опять та же история у одного богатого барина в хоромах. Нет житья барину, хоть бросай новый дом. И его мужик за три тысячи выручил – прогнал Дедушку Лысого с Анчуткой. Зажил мужик лучше прежнего, завел батраков и батрачек, себе поддевку новую сшил и сапоги со сборками, жене платье шелковое, каждый день чай в накладку пьет – не житье, а масленица.

Только вдруг присылают к нему из города от князя, чтобы сейчас к князю чертогон явился и княжеские хоромы от чертей освободил. Вон куда Дедушка Лысый с Анчуткой забрались! И заколобродили они там во всю ивановскую: ни днем, ни ночью минуты покоя княжеской семье не дают, такой шум-гам, безобразия подняли, что народ по улице идет – останавливается.

А мужик помнит зарок Дедушки Лысого – не идет, перед посланным отказывается: «Какой я, ваше благородие, чертогон! Это про меня напраслина. Чертей-то, небось, всегда ба-

бы гоняют, это их дело». Только княжеский посланный мужику не поверил, ухватил его за ворот, кинул в повозку и привез к князю. Обещает мужику князь десять тысяч дать, коли освободит он хоромы от чертовского безобразия, а коли не освободит, обещает туда угнать, куда и Макар, телят не гонял. Подумал мужик и говорит: «Дозвольте мне, ваше сиятельство, подумать – тут дело страшное: зарок положон».

На другое утро разорвал мужик на себе одежду, волосы растрепал, бороду всключил, рожу всю расцарапал – и бежит к княжескому дворцу. А там шум-гам, безобразие идет от чертей неописанное. Как вскочит мужик во дворец в таком виде да как заорет благим матом: «Батюшки, родимые! Беги, честной народ, злая баба пришла!» Только чертей и слышали – так пыль по дороге от них и закурилась...

Дал князь мужику за его службу, как обещал, десять тысяч рублей. Сейчас мужик пошел в лучшую лавку, где платьем торгуют, оделся во всю барскую одежду, сбрил у цирюльника себе бороду, купил рысака, дрожки беговые с полной сбруей, сел и едет домой барином.

Стал переезжать через мост, глядь – а навстречу ему жена идет. «Здорово, жена! Погляди-ка: каков я. Хорошо бороду обрил?» – «И то обстриг». – «Какое обстриг: вовсе брито». – «Ан, врешь: стрижено». – «Да не стрижено, а брито». – «Нет, стрижено!» – «Верно, говорю тебе: брито, хоть попробуй». – «Ан, стрижено! Хочу, чтобы стрижено было, а то сейчас с моста в воду кинусь!» – «Да, Бог с тобой, жена, ты погляди:

ведь брито!» Бултых баба с моста в воду, мужу назло; тонет, а сама из воды руку высунула и двумя пальцами точно стрижет – дескать, стрижено!

Соскочил мужик с дрожек, лошадь бросил и бежит берегом вверх по реке. Встречаются ему люди: «Куда, земляк, бежишь?» – «Ах, братцы, беда! Жена с моста в реку свалилась». – «Так куда же ты? Ее, небось, водой вниз потащило». – «Нет, люди добрые, – говорит мужик, – моя жена все-таки наперекор шла, надо ее против воды искать!»

Искали бабу, искали – и на воде, и против воды – не нашли. Так она и утонула.